

Gaston
LEROUX
1868 – 1927

Гастон
ЛЕРУ

Призрак Оперы

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

*Моему старшему брату Джо,
который, не будучи призраком,
был тем не менее, как и Эрик,
Ангелом Музыки*

I

Призрак?..

В тот вечер, когда подавшие в отставку директора Оперы господы Дебьен и Полиньи устраивали банкет по случаю своего ухода, в гримерную Сорелли, одной из прима-балерин, неожиданно влетело полдюжины девушек из кордебалета, только что покинувших сцену после представления «Полиевкта». Они были в сильном смятении: одни неестественно громко смеялись, другие испуганно кричали.

Сорелли, собиравшаяся хотя бы ненадолго побыть в одиночестве и отрепетировать прощальную речь, которую ей предстояло произнести в фойе перед господами Дебьеном и Полиньи, с неудовольствием взглянула на шумную компанию, сгрудившуюся в дверях. Она повернулась к своим подругам и осведомилась о причине столь бурного волнения. Малышка Жамм — носик во вкусе Гревэна, глаза-незабудки, щечки цвета розы, лилейная шейка — сумела вымолвить в ответ только два слова трепещущим от ужаса голосом:

— Это призрак! — и тут же повернула ключ в двери.

Гримерная Сорелли была обставлена по-официальному элегантно и банально: вся меблировка состояла из дивана, туалетного столика и шкафов. На стенах висело несколько гравюр — память о матери, заставшей еще

прекрасные времена старой Оперы на улице Ле-Пелетье, портреты Вестриса, Гарделя, Дюпора, Биготтини. Но эта комната казалась девчонкам из кордебалета просто дворцом, ведь те размещались в общих гримерных, где они пели, препирались друг с другом, поколачивали парикмахеров и костюмерш и баловались черносмородиновой наливкой, пивом или даже ромом в ожидании звонка на выход.

Сорелли была очень суеверной; услышав восклицание малышки Жамм, она вздрогнула и проговорила:

— Дурочка!

И поскольку она больше других верила в призраков вообще и в Призрака Оперы в частности, Сорелли срочно захотела узнать подробности.

— Так вы его видели? — спросила она.

— Вот так же близко, как вас! — простонала малышка Жамм и, не чуя под собой ног, безвольно опустилась на стул.

— Если это и правда он, то он просто уродина! — подхватила малышка Жири, хрупкое создание — смуглая кожа да кости! — с глазами-черносливинами, иссиня-черными волосами.

— О да! — хором выдохнули балерины.

Они затараторили, перебивая друг друга. Призрак явился им в образе господина в черном, который откуда ни возмись возник перед ними в коридоре. Его появление было столь внезапным, что впору поверить, будто он вышел из стены.

— Да ну вас, — бросила одна из них, сумевшая сохранить самообладание. — Всюду вам мерещится призрак.

Действительно, вот уже несколько месяцев в Опере только и судачили что о призраке в черном фраке, который как тень фланировал по всем этажам огромного здания; он ни к кому не обращался и с ним никто не смел заговорить; завидев человека, он мгновенно исчезал неизвестно куда и каким образом. Передвигался он не-

слышно, как и подобает настоящему призраку. Сначала все только смеялись над этим привидением, одетым, как светский человек или как служащий похоронного бюро, но вскоре легенда о призраке разрослась в кордебалете до невероятных размеров. Каждая из девушек утверждала, будто видела это сверхъестественное существо и даже стала жертвой его козней, а те, что более всех смеялись, боялись его не меньше. Когда его не было видно, он напоминал о своем существовании забавными или зловещими происшествиями, виновником которых его провозглашало почти всеобщее суеверие. Случалось ли что серьезное, или просто затевался розыгрыш, терялась ли пуховка для рисовой пудры — во всем был виноват призрак — Призрак Оперы!

Но видел ли его вообще кто-нибудь? В Опере можно встретить множество черных фраков, и ничего призрачного в них не обнаруживается, но этот обладал особой приметой, не свойственной обычным фракам: он был надет на скелет.

Так, по крайней мере, утверждали девушки. Разумеется, вместо головы у Призрака был череп!

На самом деле образ скелета родился из описания призрака, которое дал Жозеф Бюкэ, старший рабочий сцены: он один видел его своими глазами. Он столкнулся с таинственным существом — невозможно употребить выражение «нос к носу», поскольку носа у того не было, — возле самой рампы, на узкой лестнице, которая вела прямо в подземелье. Он видел его всего одну секунду, так как Призрак тотчас же убежал, но запомнил навсегда.

Вот какими словами описывал Жозеф Бюкэ Призрака всем, кто хотел о нем услышать:

— Это удивительно худой человек, и его фрак болтается на костях как на вешалке. Глаза посажены так глубоко, что зрачки с трудом различимы. В сущности, видны только две большие черные глазницы, как у мертвецов. Кожа, которая натянута на костяк как на барабан,

вовсе не белая, а какая-то отвратно желтая, вместо носа — еле заметный бугорок, так что в профиль его вообще не видно, и само это отсутствие носа являет собой ужасное зрелище. Швелюру заменяют несколько длинных темных прядей, свисающих на лоб и за уши.

Жозеф Бюкэ тщетно преследовал это странное существо; оно исчезло как по волшебству, и он так и не смог найти его следов.

Старший рабочий смены был человек серьезный, рассудительный, без всякой склонности фантазировать, непьющий. Его рассказ выслушивался с почтительным удивлением и интересом, и вскоре нашлись еще люди, которым также повстречался скелет в черном фраке и с черепом вместо головы.

Когда эти слухи дошли до людей здравомыслящих, те вначале заявили, что над Жозефом Бюкэ подшутил кто-то из его подчиненных. Но потом одно за другим произошли события настолько странные и необъяснимые, что и скептики начали беспокоиться.

Бригадир пожарных — все храбрецы. Ничего не боятся, а уж огня тем более.

Так вот, однажды пожарный, о котором идет речь *, спустился в подземелья проверить, все ли там в порядке, и, кажется, зашел несколько дальше, чем обычно; через некоторое время он в полной растерянности выскочил на сцену, бледный, дрожащий, с выпученными глазами, и едва не потерял сознание на руках достопочтенной матушки малышки Жамм. А все почему? Оказалось, что там, в потемках, он увидел, как к нему приближается пылающая голова, у которой не было тела. А я ведь уже говорил, что бригадир пожарных не боится огня!

Этого бригадира звали Папен.

Кордебалет был в смятении. Прежде всего потому, что огненная голова вовсе не подходила под описание

---

* Эту весьма правдивую историю мне рассказал сам господин Педро Гайяр, бывший директор Оперы.

Призрака, данного Жозефом Бюкэ. Еще раз хорошенько допросили пожарного, потом снова старшего рабочего сцены, и в результате девушки решили, что Призрак имеет несколько голов и меняет их, когда ему вздумается. Разумеется, они представили себе огромнейшую опасность, которой подвергались. Раз уж бригадир пожарных лишился чувств, то все корифейки и ученицы балетной школы нашли множество оправданий для того испуга, с которым они со всех ног бежали с любого слабоосвещенного места в коридорах.

Чтобы хоть как-то защитить здание Оперы от жуткой напасти, сама Сорелли, окруженная всеми танцовщицами и даже девчушками в трико из младших классов, на следующий же день после случая с бригадиром пожарных собственноручно возложила на стол, который стоял в вестибюле административного входа, подкову: к ней должен был прикоснуться всякий входивший в Оперу — разумеется, исключая зрителей, — прежде чем ступить на первую ступеньку лестницы. Это было необходимо, чтобы не оказаться добычей тайных сил, которые завладели зданием от подвалов до чердаков.

Эта деталь, как, впрочем, и вся история, не выдумана мною, и до сих пор подкову можно увидеть в вестибюле на столе перед консьержкой, когдаходишь в Оперу через служебный подъезд.

Вот что привело девушек в такое душевное состояние в тот вечер, когда мы вместе с ними вошли в гримерную Сорелли.

— Там призрак! — вскричала, как было сказано выше, малышка Жамм.

А волнение от этого отнюдь не уменьшалось. Теперь в гримерной воцарилось леденящее молчание. Слышалось только прерывистое дыхание девушек. Потом Жамм в непритворном ужасе забила в самый дальний угол и прошептала:

— Послушайте!

И всем показалось, что за дверью действительно послышался какой-то шорох.

Никаких шагов. Донесся лишь шорох шелковых одежд, коснувшихся стены. Потом все стихло. Сорелли, пытавшаяся выказать себя не такой трусливой, как ее подруги, приблизилась к двери и слабым голосом спросила:

— Кто там?

Но никто не ответил ей.

Тогда, ощущая, что на ней скрестились напряженные взгляды балерин, наблюдавших за малейшими ее жестами, она сделала над собой усилие и громко произнесла:

— Кто-нибудь есть за дверью?

— Да-да! Конечно за дверью кто-то есть! — повторила за ней бойкая Мэг Жири, схватив Сорелли за газовую юбку. — Только не открывайте! Ради Бога, не открывайте!

Но Сорелли, вооружившись стилетом, с которым никогда не расставалась, осмелилась все же повернуть ключ в замке и приоткрыла дверь; балерины, отступившие к самой туалетной кабинке, стояли, сбившись в кучу, а Мэг Жири шептала:

— Мапочка моя!

Между тем Сорелли отважно выглянула в коридор. Он был пустынен; газовый рожок в стеклянной колбе скупно освещал красноватым светом окружающий его сумрак, не в силах рассеять его. Балерина быстро закрыла дверь, испустив вздох облегчения.

— Никого там нет.

— Но мы же его видели! — утверждала Жамм, с опаской подходя к Сорелли. — Он, должно быть, бродит где-то поблизости. Я вообще не пойду переодеваться. Надо нам всем вместе спуститься в фойе, поприветствовать директоров и сразу вернуться.

С этими словами девушка благоговейно коснулась крохотного кораллового талисмана, который должен был

охранить ее от несчастий. А Сорелли украдкой, кончиком розового ногтя правого большого пальца, очертила крест святого Андрея на деревянном колечке, надетом на безымянный палец левой руки.

Один известный хроникер писал о ней:

«Сорелли — высокая, красивая танцовщица с серьезным чувственным лицом, гибкая, как ива, в театре все говорят о ней, что она „прелестное создание“. Золотистые белокурые волосы обрамляют высокий лоб, ее лицо освещено изумрудными глазами. Голова плавно покачивается на длинной точеной и горделивой шее. Во время танца она делает некое неуловимое движение бедрами, которое наполняет ее тело невыразимой негой. Когда эта восхитительная женщина поднимает руки и, слегка склонившись, выставляет ногу вперед, перед тем как сделать пируэт, подчеркивая таким образом линии корсажа, кажется, что это зрелище может любого свести с ума».

Правда, ума-то у нее почти и не было, однако в этом ее не упрекали.

— Девочки мои, — оглядела она юных балерин, — придите в себя!.. Что такое призрак? Может, его вообще никто не видел...

— Нет, мы видели его! Только что видели! — продолжали девушки. — У него череп вместо головы и тот самый фрак, в котором его видел Жозеф Бюкэ!

— И Габриэль тоже его видел! — добавила Жамм. — Не далее как вчера. Вчера, середь бела дня...

— Габриэль, хормейстер?

— Ну да. Вы разве об этом не слышали?

— И он был во фраке середь бела дня?

— Кто? Габриэль?

— Да нет же! Призрак!

— Вот именно! Он был во фраке! — подтвердила Жамм. — Габриэль сам мне об этом рассказал, он его по фракку и узнал. Дело было так. Габриэль сидел в кабинете заведующего постановочной частью. Вдруг

открылась дверь и вошел Перс. Ну, вам известно, что у Перса дурной глаз...

— Да-да! — хором ответили девушки, которые при имени Перса сделали рожки: вытянули вперед указательный палец и мизинчик, прижав большим пальцем средний и безымянный к ладони.

— ...и что Габриэль суеверен, — продолжала Жамм, — но всегда вежлив, и, когда встречается с Персом, он просто спокойно кладет руку в карман и дотрагивается до ключей... Так вот, как только перед Персом открылась дверь, Габриэль одним прыжком пересек комнату и дотронулся до замочной скважины шкафа, ну чтобы коснуться железа. При этом он зацепился своим пальто за гвоздь и вырвал оттуда целый кусок. Спеша выйти, ударился лбом о вешалку и набил себе огромную шишку; затем он попятился и ободрал руку о ширму, стоявшую возле рояля, хотел опереться на него, но крышка неожиданно захлопнулась и прижала ему пальцы; он как сумасшедший выскочил из кабинета и так торопился, спускаясь по лестнице, что споткнулся и пересчитал боками все ступеньки до второго этажа. Как раз в тот момент мы с мамой проходили мимо. Мы бросились поднимать его. У него все лицо было в крови, мы даже испугались, но он тут же разулыбался и воскликнул: «Спасибо тебе, Боже, что я так легко отделался!» Мы его расспросили, и он нам сказал, что его так напугало. Дело в том, что за спиной Перса был призрак! *Призрак с черепом вместо головы*, каким его описал Жозеф Бюкэ.

Жамм, запыхавшись, закончила свой рассказ, который она протараторила так, будто за ней гнался призрак; и тут же поднялся глухой испуганный ропот. Потом наступило молчание, которое прервал тихий голос малышки Жири, в то время как Сорелли, очень взволнованная, полировала ногти:

— Лучше бы Жозеф Бюкэ помолчал.

— Почему? — спросил кто-то.

— Так считает мама, — ответила Мэг еще тише, озираясь вокруг, как будто боялась, что ее услышит кто-то, кроме тех, кто находился в комнате.

— Почему твоя мама так считает?

— Тсс! Она говорит, что Призрак не любит, когда его беспокоят.

— Откуда она это знает?

— Потому что... Потому что нет ничего...

Это наигранная недомолвка разожгла любопытство девушек, которые тесно окружили малышку Жири и, склонившись в едином просящем и испуганном движении, стали умолять ее рассказать все, что она знает. Зараженные общим страхом, они получали от этого острое удовольствие, от которого леденела кровь в жилах.

— Я поклялась молчать, — наконец сказала Мэг.

Однако они не оставили ее в покое, обещая сохранить тайну, и наконец Мэг, сама сгоравшая от желания рассказать то, что она знала, заговорила, не сводя глаз с двери:

— Ну, это из-за логи...

— Какой логи?

— Логи Призрака!

— У Призрака есть ложа?!

При сообщении о том, что Призрак имеет собственную ложу, девушки не смогли сдержать возгласов удивления, смешанного с мрачным восторгом.

— О Господи, рассказывай... рассказывай!

— Тише! — приказала Мэг. — Это ложа первого яруса номер пять. Вам отлично известно, она первая слева от авансены.

— Не может быть!

— Говорю же вам. Эту ложу обслуживает моя мама. Но поклянитесь никому об этом не рассказывать.

— Конечно! Давай дальше!

— Так вот. Это ложа Призрака... Уже больше месяца туда никто не заходил, кроме Призрака;

естественно, и администрация получила указание никогда не сдавать ее...

— Это правда, что туда приходит Призрак?

— Ну да...

— То есть видели, что туда кто-то заходит?

— Да нет же! *Туда приходит Призрак и там никого нет!*

Девушки переглянулись. Если Призрак приходил в ложу, то его можно было увидеть, потому что у него чернѣй фрак и череп вместо головы. Они сказали об этом Мэг, но та с горячностью возразила:

— Как вы не поймете? Призрака не видно, и у него нет ни фрака, ни головы! Все, что рассказывают о черепе или об огненной голове, — это болтовня! У него нет ничего подобного... Его можно только слышать, когда он в ложе. Мама ни разу его не видела, но зато слышала. Она хорошо это знает, ведь она сама ему приносит программку!

— Малышка Жири, да ты просто смеешься над нами, — сочла своим долгом вмешаться Сорелли.

Тогда малышка Жири расплакалась.

— Лучше бы я не болтала... Если бы только мама знала!.. Но все-таки Жозеф Бюкэ зря занимается делами, которые его не касаются. Это принесет ему несчастье. Мама еще вчера это говорила.

В этот момент послышались грузные торопливые шаги в коридоре и чей-то запыхавшийся голос прокричал:

— Сесиль! Сесиль! Ты там?

— Это голос матушки, — прошептала Жамм. — Что случилось?

Она открыла дверь. В комнату влетела представительная дама, сложением напоминая гренадера из Померании, и со стоном рухнула в кресло. Ее глаза дико вращались, и лицо приобрело оттенок терракоты.

— Какое несчастье! — проговорила она. — Какое несчастье!

— Что? Что такое?

— Жозеф Бюкэ...

— Ну и что Жозеф Бюкэ?

— Жозеф Бюкэ мертв!

В гримерной раздались недоверчивые восклицания и испуганные просьбы рассказать о случившемся.

— Да, его только что нашли повешенным на третьем подземном этаже. *Но самое ужасное, —* продолжала срывающимся голосом почтенная дама, *— самое ужасное в том, что рабочие сцены, которые нашли тело, утверждают, будто слышали возле мертвеца какой-то шум, напоминающий зауспокойное пение.*

— Это Призрак! — вырвалось у младшей Жири, которая тут же прижала ко рту сжатые кулачки и пролепетала: — Нет-нет! Я ничего не говорила!.. Я ничего не говорила!

А вокруг нее подруги в ужасе повторяли шепотом:

— Точно! Это Призрак!..

Сорелли побледнела.

— Я не смогу произнести приветствие, — прошептала она.

Мамаша Жамм опрокинула рюмку ликера, стоящую на столике, и высказала свое мнение: в подземельях Оперы и впрямь живет призрак.

Правда в том, что так и не удалось узнать, как именно погиб Жозеф Бюкэ. Краткое следствие не дало никакого результата: единственной версией было *самоубийство*. В своих «Воспоминаниях директора Оперы» господин Моншармен, один из двух директоров, сменивших Дебьена и Полиньи, так описывает случай с повешенным:

«Досадный инцидент нарушил маленький праздник, который устроили по случаю своего ухода в отставку господ Дебьен и Полиньи. Я находился в кабинете дирекции, когда неожиданно туда вошел Мерсье, администратор. Он был крайне потрясен и рассказал, что на третьем этаже подземелья, прямо под сценой, между задником и декорацией к „Королю Лахорскому“, нашли тело рабочего сцены.

Я воскликнул: „Нужно его снять!“ Но пока я бегал вниз и доставал лестницу, веревка на шее повешенного уже исчезла».

Господин Моншармен счел это событие абсолютно нормальным. Человек повесился, его собирались вытащить из петли, а веревка исчезла. О! Господин Моншармен нашел этому простое объяснение: *«Это было время занятий в танцевальном классе, и корифейки и ученицы балетной школы быстренько приняли меры от дурного глаза»**. Все. Точка. Вы можете себе представить, как девушки из кордебалета спускаются по приставной лестнице и делят между собой веревку повешенного за меньшее время, чем понадобилось, чтобы написать эти строки?!

Все это несерьезно. Но когда я думаю о том месте, где был найден труп — на третьем подземном этаже, под сценой, — мне представляется, что где-то там кому-то было нужно, чтобы эта веревка, сделав свое дело, бесследно исчезла; и позже мы увидим, ошибался ли я в этом своем предположении.

Жуткая новость быстро разнеслась по всей Опере, где Жозефа Бюкэ очень любили. Артистические уборные опустели, и юные балеринки, окружившие Сорелли, как стадо пугливых овечек окружает пастуха, поспешили в фойе по скупому освещенным коридорам и лестницам, быстро-быстро перебирая стройными розовыми ножками.

---

* По примете, кусок веревки повешенного оберегает от дурного глаза.